

анализирует византийскую легенду о взятии болгарской крепости Мельник в 1255 г., при котором якобы сотворили чудеса св. Федор Терон и св. Федор Стрателат. Поскольку культ св. Федора-воителя засвидетельствован для этой территории уже Прокопием в VI в., автор полагает, что перед нами культ и легендарный мотив, которые восходят к фракийскому богу-всаднику.

Не останавливаясь за неимением места на поучительной литературоведческой статье Г. С и н к о (т. I, стр. 143—149) о связях греческого любовного романа (Харитон, Ксенофонт Эфесский, Лонг, Гелиодор) с новоаттической комедией, переходим к статьям исторического содержания. Их всего шесть, из них одна посвящена историко-религиозной тематике. А. А л ь ф е л ь д и (т. I, стр. 21—24) доказывает, что при Аврелиане имело место лишь одно вторжение ютунгов, а не два. Из сравнения текста SNA и Зосимы вытекает, что поход против аламан у Зосимы соответствует войне с маркоманами Vitae Augeliani и вторжению ютунгов Девкsipпа. Ю. В о л ь с к и й (т. I, стр. 111—114) исследует вопрос о монетах Андрагора, обнаруженных в 1879 г. на берегу реки Кабаианы, притока Окса. Единственным исторически известным Андрагором в III в. до н. э. является одноименный сатрап Парфии, восставший после третьей сирийской войны в 245 г. против Селевкидов и продержавшийся до нашествия Аршакидов в 238 г. Ему, по всей вероятности, и принадлежат монеты. Э. Г р е н (т. I, стр. 151—157) дает интересный анализ легенд об основании Константинополя, сохранившихся у Гесихия Милетского, Прокопия, Иоанна Малалы. Автор показывает наличие в легендах ряда напластований и политических тенденций. При Константине шла речь исключительно об основании второго Рима, но в V в., в связи с падением Западной империи, переосмысливается факт основания столицы на Востоке. Любопытна контаминация тенденций западного происхождения с восточными мотивами (например, мессианистские чаяния о подчинении Рима Востоку). Недавно скончавшийся Л. П и о т р о в и ч (т. I, стр. 191—194) написал этюд о так называемом судебном законе Квинта Сервилия Цэпиона (106 г. до н. э.) и присоединился к мнению тех ученых (Моммзен, Каркопино), которые доказывали, что проект этот так и не был поставлен на голосование перед комициями. Хр. Д а н о в (т. II, стр. 111—121) касается истории полусвободных крестьян в античную эпоху, преимущественно на Балканах и в Малой Азии (проспелаты у ардейцев в Иллирии, рабы у дарданов, фрако-вифинские крестьяне в Византии и т. д.). Наиболее интересны в статье новые балканские эпиграфические свидетельства о положении так называемых лаой эллинистического времени. Заметим, что статья Хр. Данова — единственное в сборнике исследование по социальной истории. Фр. П ф и с т е р (т. I, стр. 249—255) характеризует изображения кабана на конской сбруе, известные из Болгарии (публикации Г. И. Кацарова), Италии и Галлии (Иттельгейм около Страсбурга — VII в. н. э.). Автор считает, что такие амулеты не свидетельствуют о пережитках доисторического культа кабана у индоевропейских народов, что кажется спорным.

Б. И. Надэль

ГО МО-ЖО, Эпоха рабовладельческого строя. Перевод с китайского Л. С. Переломова и М. Г. Прядохина. Редакция, комментарии и послесловие Л. И. Думана, М., Изд. ИЛ., 1956.

В настоящее время ни в кругах советских китаеведов, ни в исторической науке КНР еще не выработалась единая точка зрения на периодизацию древней истории Китая. Уже немало лет этот вопрос служит предметом непрекращающейся дискуссии. Поэтому выход в свет русского перевода книги, которая трактует вопросы возникновения, развития и гибели рабовладельческого общества в Китае, является особенно значительным событием.

Проф. Го Мо-жо — один из крупнейших современных знатоков китайской древности, ученый с исключительно широким кругом интересов. Он владеет колоссальным материа-

лом и подходит к нему с позиций исторического материализма. Среди многих заслуг проф. Го Мо-жо перед наукой следует особо отметить, что он был первым, кто доказал, что Китай знал эпоху рабовладельческого строя. Поэтому для нас особенно интересна его книга о рабовладельческом строе, положения которой сам автор считает итогом своих тридцатилетних изысканий (стр. 5).

Книга «Эпоха рабовладельческого строя» является не монографией, а сборником статей, в основном написанных между 1950 и 1953 гг. Первая из них недаром дала свое название всей книге: она превосходит другие по объему и по своему содержанию является тем стержнем, вокруг которого группируются остальные статьи сборника.

Эта статья делится на пять разделов; в первых четырех последовательно говорится о дорабовладельческом периоде истории Китая, эпохе рабовладельческого общества (династии Инь — Зап. Чжоу) и конце рабовладельческого строя, который рассматривается в трех аспектах: с точки зрения общего состояния производства, развития ремесла и торговли и отражения в идеологии. В начале четвертого и в пятом разделе статьи проф. Го Мо-жо излагает свои доводы в пользу мнения, что общество периодов «воюющих княжеств» Цинь и Зап. Хань не может быть отнесено к эпохе рабовладения.

Остальные статьи как бы развивают темы, выдвинутые в обобщающей первой статье, или же касаются отдельных вопросов, относящихся к охватываемому ею периоду. Семь статей, следующих за первой, в основном посвящены проблемам социально-экономической характеристики общества эпох Инь и Чжоу, а также (попутно) обсуждению вопроса о рабстве во времена Цинь и Зап. Хань. Статьи 10—15 касаются древней литературы (от «Ши-цзина» до стихов Цюй Юаня). Девятая статья и «Несколько писем по вопросам изучения древней истории» затрагивают различные частные вопросы — от интерпретации древних надписей и текстов до истолкования философских воззрений.

Кратко остановимся на главном — той характеристике, которую проф. Го Мо-жо дает эпохе рабовладельческого строя.

Проф. Го Мо-жо считает, что переход к классовому обществу в Китае произошел приблизительно во времена так называемой «династии Ся» (XIII—XVIII вв. до н. э.), о которой пока имеются только легендарные сведения. Если Китай периода Ся в лучшем случае достиг только начального этапа развития рабовладельческого строя, то к последнему уже несомненно относится общество эпохи Инь (XVIII—XII вв. до н. э.). Прежде проф. Го Мо-жо считал иньскую культуру энеолитической, а иньское общество — первобытно-общинным. Новые данные археологии, изучение иньских гадательных надписей и других материалов привели автора книги к изменению этих взглядов. Его новые положения сводятся к следующему.

Иньская материальная культура была культурой бронзы. Главной отраслью производства являлось земледелие, причем для пахоты использовались волы и лошади. Земледельческое производство осуществлялось в рамках так называемой системы «колодезных полей». Масштабы земледельческих работ были очень велики. На полях трудились рабы, обозначавшиеся терминами *чжун* или *чжун-жэнь*. Рабы занимали самое низкое положение в обществе. Наряду с очень большим количеством рабов царского дома, в эпоху Инь существовали и частновладельческие рабы. Раба можно было «убить, как скотину», причем такие убийства практиковались весьма широко (число людей, захороненных вместе с умершими правителями, достигает 400 в большой могиле). Это свидетельствует не только о многочисленности рабов в те времена, но и об их низкой потребительной стоимости. Отсюда автор делает вывод, что иньское общество находилось на раннем этапе развития рабовладельческого строя.

Проф. Го Мо-жо полемизирует с теми учеными, которые хотят провести резкую грань между обществами Инь и Чжоу, объявить общество Чжоу феодальным. Опираясь на блестящее знание древней литературы, надписей на бронзовых сосудах и других материалов, он решительно утверждает, что нет никаких оснований относить общество Зап. Чжоу к иной формации, чем иньское. Чжоусцы в основном унаследовали культуру иньцев и как народ более отсталый еще не могли в то время пойти дальше рабовладельческого способа производства. Положение иноплеменных рабов в госу-

дарстве Зап. Чжоу было сходно с положением спартанских илотов и рабов стран древнего Ближнего Востока. Они должны были обрабатывать землю, уплачивать ренту, отбывать трудовую повинность. Поля и жилища находились у них не в собственности, а только в пользовании. Государство обладало правом распоряжаться их жизнью и имуществом. В период Чжоу (как, должно быть, и в период Инь) все средства производства принадлежали дому царя, который имел право собственности на землю и труд земледельцев. Он жаловал землю и рабочую силу князьям и подданным.

В период Чжоу, как и в эпоху Инь, в жизнь проводилась система «колодезных полей». Проф. Го Мо-жо понимает эту систему своеобразно. Он считает характеристику ее сущности, которую дал Мэн-цзы, утопической идеализацией и предлагает взамен свое толкование. Согласно его мнению, государство отдавало поля по сто му в пользование не земледельцам, как говорил Мэн-цзы, а удельным князьям и чиновникам, которые уже в свою очередь распределяли их для возделывания между непосредственными производителями. «Колодезные поля» обладали строго определенной площадью и потому могли отвечать двум назначениям: 1) являлись единицей для выплаты содержания удельным князьям и чиновникам разных разрядов и 2) были счетной единицей для проверки усердия, с которым трудились непосредственные производители.

Проф. Го Мо-жо подробно описывает жизнь семей непосредственных производителей, охваченных этой системой при династиях Инь и Чжоу. Рабочий день женщины продолжался зимой 18 часов (видимо, он был не меньшим и для мужчин). Мужчины работали круглый год то как землепашцы, то на отбывании трудовых повинностей, а в случае нужды становились воинами. Такие непосредственные производители были сельскохозяйственными рабами (*чжунь-жэнь* или *шу-жэнь*). Их можно было «продавать и покупать, как скотину» (причем стоимость человека была очень низка), их можно было произвольно убивать.

Проф. Го Мо-жо подчеркивает, что смена рабовладельческого строя феодальным произошла не сразу, а путем постепенного перехода количественных изменений в качественные. В недрах рабовладельческого общества появились элементы феодализма. Важным фактором, ускорившим процесс гибели старого строя, было введение в употребление железа.

Рассматривая переход от рабовладельческого строя к феодальному, проф. Го Мо-жо также отказывается от своих старых взглядов на этот вопрос. Подробно разобрав причины, заставившие его изменить концепцию, он относит рубеж между указанными формациями к V в. до н. э. — стыку эпох «весна и осень» (VIII—V вв. до н. э.) и «воюющих княжеств» (V—III вв. до н. э.). Ключом к пониманию причин гибели рабовладельческого общества в Китае проф. Го Мо-жо считает крах системы «колодезных полей». Причину крушения этой системы он усматривает в росте частной земельной собственности, которая в конце концов получила количественный перевес над государственной. При этом он трактует термины *гун-тянь* и *сы-тянь* вразрез с данными Мэн-цзы и считает, что в отличие от казенных (*гун-тянь*), частные поля (*сы-тянь*) не имели определенного стандарта, являлись частной собственностью и не облагались налогом. По мере роста богатства отдельных семей низшие слои господствующего класса постепенно брали верх над высшими. При этом низшие слои, борясь со своими противниками, стремились обеспечить себе поддержку народа — главной силы в этой борьбе — и предоставляли ему разные льготы. Поэтому постепенно положение народных масс менялось. Так, земледельцы *шу-жэнь*, прежде составлявшие самую низшую категорию рабов (*жэнь-ли*), в конце периода «весны и осени» изменили свое положение и стали полусвободными людьми. «Освобождение главных производителей общества от состояния рабства означало крах рабовладельческого строя» (стр. 38).

Развитие китайских княжеств шло очень неравномерно. Поэтому упразднение системы «колодезных полей» и признание права частной собственности на землю имели место в разных княжествах в разное время (на протяжении VI—IV вв. до н. э.). Проф. Го Мо-жо характеризует два пути, которыми новый строй одержал победу над старым: путь революционных изменений (как в княжествах Ци и Цзинь) и путь реформ сверху (как в княжествах Чу, Цинь и Янь).

Освобождение ремесла и торговли шло в общем параллельно освобождению земледелия. С середины периода «весна и осень» занятия ремеслом и торговлей постепенно перешли в руки частных лиц. Однако, хотя предприниматели в области ремесла и торговли освободились от власти казны, лица, непосредственно трудившиеся в этих сферах, по-прежнему оставались рабами. Для периода «воюющих княжеств» был характерен ряд новых явлений: широкое развитие денежной системы, появление ростовщичества, рост и расцвет города как средоточия ремесленников, торговцев, крупных землевладельцев, как центра культурной жизни, небывалые достижения в области строительства. Благодаря способностям или богатству незнатные люди, в том числе многие выходцы из других княжеств, получили доступ к государственному управлению.

Грань между новой и старой эпохами ярко запечатлелась в идеологии. Расцвели философские школы. Ряд философов (в частности, конфуцианцы и даосисты) порвали с идеей «верховного владыки», корнями связанной с рабовладельческой монархией, и выдвинули теории атеистического толка (стр. 73). Различные школы (в том числе *фа-цзя*) сформулировали принципы, призванные охранять частную собственность. В связи с признанием последней изменилось отношение к человеческой личности. Это нашло выражение в теориях о гуманности и любви к людям конфуцианцев, моистов, даосистов и логиков. Смена эпох отразилась в ломке понятий и вызвала к жизни требование «исправления имен», которым, в частности, занялась возникшая именно в ту пору школа логиков. Наконец, в области литературы наступил расцвет индивидуального творчества. В прозе и поэзии стали широко использоваться разговорный язык и элементы фольклора. Это свидетельствует о возросшем значении народных масс по сравнению с эпохой рабовладельческого строя.

Такова суть концепции проф. Го Мо-жо. Его книга является большим вкладом в изучение древней истории Китая. Она имеет тем большую ценность, что в ней дана развернутая характеристика в с е г о периода рабовладения, как его хронологически определяет сам автор, а также подвергнут обстоятельной дискуссии социально-экономический строй Китая за последующие 400 лет. Несомненными достоинствами книги являются многообразие поставленных проблем, исключительное богатство привлеченного материала и разносторонний характер источников. Аргументируя то или иное свое положение, исследователь привлекает все известные ему факты, чтобы провести возможно более всесторонний анализ. Так, рассматривая социальное содержание термина *чжун* для эпохи Инь, он использует с одной стороны данные гадательных надписей и «Шу-цзина», с другой — материалы об эпохе Западного Чжоу: песни «Ши-цзина», надписи на бронзовых сосудах. Он ссылается на начертание знака *чжун* в эпоху Инь, который изображал трех людей, трудившихся под солнцем, и сопоставляет термин *чжун* с терминами *тун*, *чжун*, *нун*, *ну* и *жу* в фонетическом и семантическом отношении и т. п. Только рассмотрев вопрос на основе многообразного материала, взвесив возможные «за» и «против», проф. Го Мо-жо берется что-либо утверждать. Поэтому он никогда не уклоняется от аргументов своих научных противников, а подвергает их тщательному разбору и критике. При этом для него характерно умение, выдвинув социально-экономическую концепцию, осветить с ее позиций всевозможные явления рассматриваемого периода, вплоть до надстроечных.

Проф. Го Мо-жо дает не только примеры оригинального и смелого подхода к большим вопросам, но и образцы тонкой наблюдательности, искусства скрупулезного анализа текста. В этом отношении особенно показательны «Копье усского вана Шоумэна», «О статье „Автор ‘Лисао’“» и «О статье „Другие стихи Цюй Юаня, помимо ‘Лисао’“». Они демонстрируют достижения китайской исторической науки в области методологии.

Проблемы, поднятые проф. Го Мо-Жо, столь многообразны и сложны, что, конечно, невозможно было бы ожидать полного их решения в одной книге. Мы надеемся найти исчерпывающие ответы на возникшие у нас вопросы в последующих работах ученого.

Позволим себе выразить несколько пожеланий. Хотелось бы знать, как проф. Го Мо-жо оценивает роль общины в эпоху рабовладельческого строя династий Инь и Чжоу и какое место отводит ей автор в своей концепции. Было бы желательно, чтобы проф. Го Мо-жо высказал свое мнение об аргументах тех ученых, которые связывают

предание о «колодезных полях» с существованием общины в древнем Китае. Доказывая, что в рамках системы «колодезных полей» эксплуатировался труд рабов-земледельцев, проф. Го Мо-жо ссылается на отдельные данные гл. 24-А «Цянь-Хань шу» (стр. 31—32, 136—137). В этой связи хотелось бы видеть сделанный проф. Го Мо-жо критический анализ всех тех сведений, которые сообщаются в этой главе о системе «колодезных полей». Было бы особенно ценно, если бы такой анализ был проведен с учетом экономических взглядов Бань Гу, несомненно, оказавших влияние на подход автора «Цянь-Хань шу» к материалу.

На стр. 75 сказано, что «в периоды Инь и Чжоу частной собственности не существовало», что люди, получившие землю и рабов от государства, располагали только правом пользования ими, а не правом собственности на них (ср. также стр. 29). А на стр. 32—33 и 201 о рабах, занятых в земледелии, говорится, что этих людей могли покупать и продавать. Хотелось бы, чтобы проф. Го Мо-жо подробнее разобрал вопрос о том, какие категории рабов могли быть объектом купли-продажи во времена Зап. Чжоу

При оценке деятельности Шан Яна (стр. 40, 43—44, 54—55) было бы хорошо дать объяснение тому факту, что по законам, которые этот реформатор ввел в княжестве Цинь, люди определенных категорий обращались в рабство («Ши-цзи», гл. 68).

На стр. 15 проф. Го Мо-жо, между прочим, пишет: «Царство Чу не называло себя „Цзин“, это название применялось в отношении Чу другими царствами, также, вероятно, из чувства враждебности». Было бы желательно, чтобы, высказывая такое предположение, проф. Го Мо-жо опроверг объяснение названия «Цзин», которое дал танский эрудит Чжан Шоу-цзе (см. комментарий «Чжэн-и» к 6 главе «Ши-цзи»). По мнению Чжан Шоу-цзе, в государстве Цинь потому называли княжество Чу словом «Цзин», что иероглиф *чу* входил в имя Цзы-чу — покойного отца Цинь Ши Хуан-ди (Чжуан-сян-вана) и соответственно был объявлен табу.

В заключение скажем несколько слов о переводе книги. К сожалению, он не всегда на высоте. Почти на каждой странице можно найти пропуски слов, имеющих в оригинале, и вставки от себя, по большей части не выделенные скобками и никак не оговоренные. Переводчики обращались с текстом недостаточно осторожно.

К тому же перевод не всегда верен. Местами переводчики сбиваются на пересказ текста, стараются «додумать» его за автора древней цитаты или за проф. Го Мо-жо. В результате в их работе оказалось немало неточностей и прямых ошибок. Так, на стр. 25 выражение «отсталой народностью» переведено как «народностью более позднего происхождения», а на стр. 26 выражение «передовых иньцев» — как «предшествующей народности — иньцев». Это искажает мысль автора. На стр. 27 дается цитата из «Цзо-чжуань»: «Он установил ясную мораль, дабы ею оградить Чжоу». На самом деле здесь речь идет о пожаловании царем удельных князей: «[Он] выбрал и поставил [людей] совершенной добродетели, чтобы оградить и защитить Чжоу». На стр. 44 в цитате из «Ши-цзи» есть фразы: «Если станем богатыми и знатными, никогда не должны забывать друг друга!» и «Если мы батраки, как мы можем стать богатыми и знатными!». Следует перевести: «Если [я стану] богатым и знатным, [то] не забуду вас» и «Ты батрак, как же [ты станешь] богатым и знатным?». На стр. 70 вместо слова «катафалк» должно стоять «футляр для гроба» (в отличие от внутреннего гроба, который упоминается в той же фразе)¹.

На стр. 91 в цитате из гл. 24-А, «Цянь-Хань шу» есть фраза: «к знакомству с ними стремятся сановники». В действительности здесь стоит идиома: «[их] шапки и зонты [их колесниц находились] в виду друг друга»; это выражение образно передает мысль, что множество важных путешественников непрерывным потоком двигались по дорогам; судя по контексту, речь идет о богатых людях.

Такие примеры можно было бы умножить. Ошибки или неточности в переводе встречаются на очень многих страницах текста; при переиздании книги перевод необходимо внимательно пересмотреть.

Ю. Кроль

¹ Имеется в виду футляр под названием *го* (иногда это слово переводят как «внешний гроб»), в который, по обычаю, помещали гроб (*гуань*) с телом покойного.